

персона

«Жду собачьих холодов»

Среди тысяч киноманов, следящих за ходом XXVII Московского кинофестиваля, найдутся те, для кого главное событие представительного форума — приезд в Россию выдающегося австрийского режиссера, автора «Собачьей жары», члена жюри ММКФ Ульриха Зайдля. В первый день фестиваля, еще не успев познакомиться с коллегами по судейской комиссии, Ульрих Зайдль согласился встретиться с Антоном Долиным.

Вы — постоянный участник кинофестивалей и многократный их лауреат. А в жюри вам приходилось бывать?

Да. Разница, конечно, огромная. Когда показываешь свой фильм, ты нервничаешь, ждешь реакции публики и критики... А в жюри так напрягаться не приходится. Можно оставаться в тени. Да и посмотреть всего можно немало. Я, поверьте, счастлив этим, потому что в мои рабочие будни выкроить время на просмотр фильмов практически нереально. А еще я никогда до сих пор не бывал в Москве, хотя давно хотел сюда приехать.

Ответственности не боитесь? Режиссер-конкурсант всегда может заслужить если не лавры, то сочувствие. А несправедливый судья всегда вызывает нарекания.

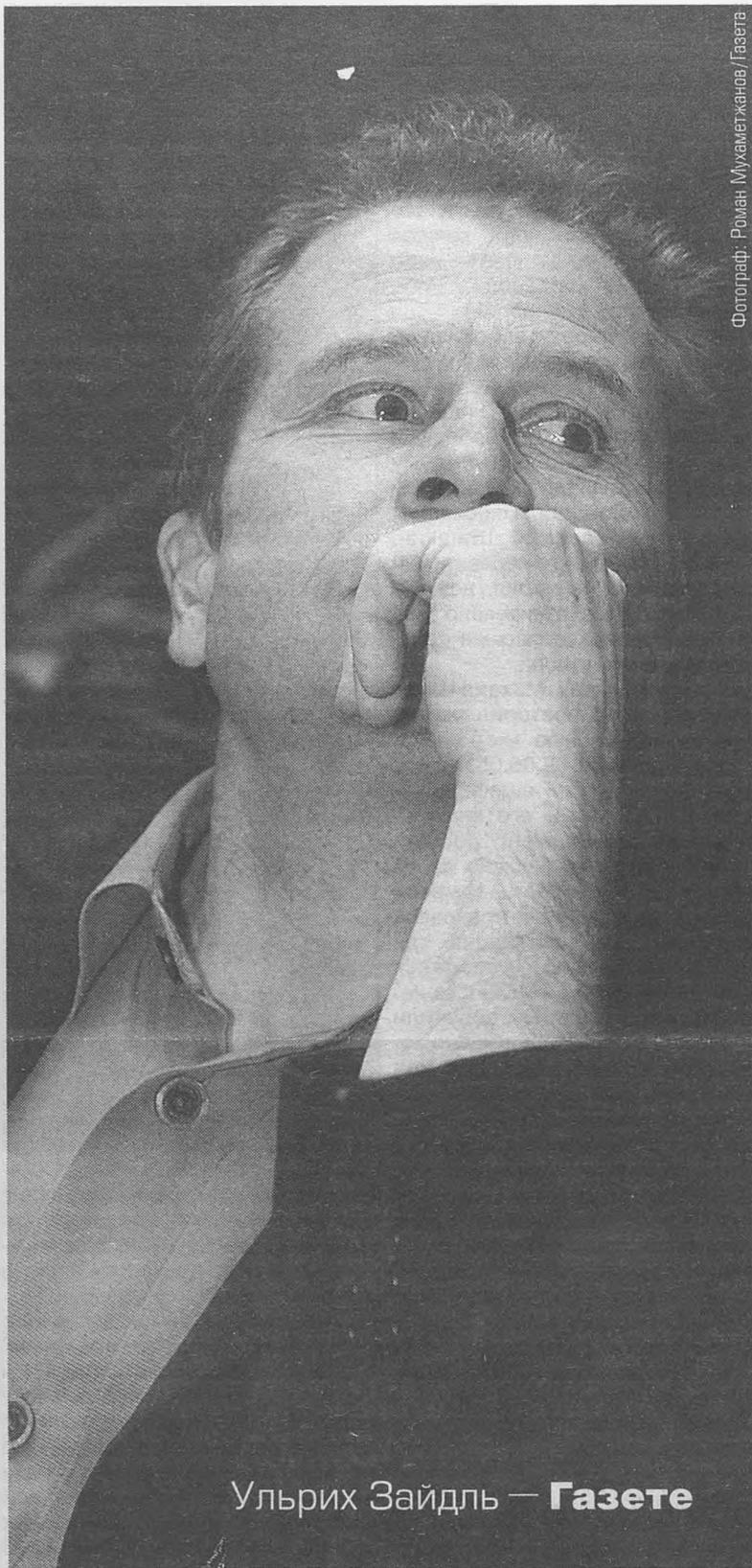
Я не боюсь ответственности. Мне к ругани не привыкать: мои фильмы столько раз вызвали резко негативную реакцию! Противоречия — в моей природе.

У вас довольно много поклонников в России. Как ни странно, многие интеллектуалы были буквально возмущены «Собачьей жарой». Однако в кинотеатре «35 ММ» мне рассказывали, что пенсионеры, посмотревшие «Собачью жару» на утреннем бесплатном сеансе, потом специально благодарили администрацию за столь жизненное кино...

Это хорошо! (Смеется.)

...что приводит к закономерному вопросу: а кто, по-вашему, составляет аудиторию этого фильма?

Сам-то я считаю, что «Собачья жара» — далеко не самый провокационный мой фильм. Обычно мои картины вызывают у людей полярную реакцию: одни критикуют, другие хвалят. Я привык. Хотя я получил Гран-при Венецианского фестиваля за «Собачью жару», жюри отнюдь не было солидарно. Например, президент жюри Нанни Моретти был категорически против награждения! Поэтому я во время работы даже не задаю вопросов, кому адресован будущий фильм. Я не делаю фильмы для конкретной целевой аудитории. Хотя реакция обычной публики для меня все же важнее, чем фестивальная судьба фильма. Фестивали важны: пресса пишет о представленных там фильмах, фильмы получают прокат, и на них после этого идет публика... Но именно

Ульрих Зайдль — Газете

Фотограф: Роман Мухометжанов / Газета

ей картина должна быть интересна — вот сверхзадача.

Гран-при в Венеции что-то изменил в вашей судьбе и вашем стиле?

Я свои фильмы делаю не оглядываясь ни на что, хотя всегда встречал противников. И награда в Венеции тоже ничего не изменила в моем кредо. Я просто делаю следующий фильм, не зная, будет ли он лучше предыдущего. Надо верить в себя и работать.

Однако «Собачья жара» была шагом вперед по сравнению с предыдущими вашими

фильмами: те были документальными, а этот игровой. Ваша новая работа «Импорт/Экспорт» будет таким же шагом вперед? Или в сторону?

И да, и нет. До «Собачьей жары» я не делал исключительно документальное кино: в «Моделях» или «Зверской любви» тоже были элементы игрового... Конечно, «Собачья жара» стала моим первым чисто игровым фильмом, в котором актеры играли не самих себя, а персонажей. Но в моем внутреннем развитии это был логический шаг. «Импорт/Экспорт» — следующий, но закономерный шаг после «Собачьей жары». Опять

я смешал профессиональных и непрофессиональных актеров. А еще у меня теперь американский оператор — Эд Лахман. Это большое новшество для меня. (Смеется.)

Часть фильма, я знаю, будет сниматься на Украине. Расскажите о работе там.

Мне всегда была интересна Восточная Европа, и мне очень понравилось бывать на Украине. Да и вообще мне нравится путешествовать на Восток. Мы долго искали украинскую актрису, был масштабный кастинг, перепробовали 500 актрис — не только в Киеве, но и в регионах... И нашли. Действие будет разворачиваться зимой: «Импорт/Экспорт» — антипод «Собачьей жары». Я жду зимних, самых жутких, собачьих холодов на Украине, чтобы приступить к съемкам там. Никакого солнца! В общем, самые яркие впечатления еще впереди.

Кстати, Чжан Имоу снимал свой Древний Китай в «Доме летающих кинжалов» тоже на Украине.

Я не знал.

Так или иначе, Украина сейчас привлекает многих. Вы собираетесь как-то отразить в своем фильме политический контекст?

Текущую политическую ситуацию я освещать не собираюсь, да и вообще в моих фильмах это не главное. Политика — лишь фон, важный только в том смысле, что на Украине очень много безработных. Моя героиня тоже безработная: она медсестра, которая хочет уехать в Австрию, чтобы работать уборщицей. В Австрии 90% уборщиц — женщины из Украины или Молдавии. Многие из них приезжают нелегально, они охвачены страхом; они покидают семьи и годами не видят родных. Об этом мой следующий фильм.

Илью Хржановского, автора дебютного фильма «4», местами напоминающего о вашей стилистике, многие упрекали за излишний радикализм, говоря: раз вы так не любите Россию, почему бы вам не эмигрировать? А вам в Австрии не задают таких вопросов?

Задают. Например, на пресс-конференции в Венеции. Спрашивают еще, почему мне так нравятся уроды...

И что вы отвечаете?

Отвечаю, что у меня нет причин ненавидеть Австрию! Фильмы делаются из любви, а не ненависти. Из желания сделать кого-то или что-то лучше, чем оно есть в настоящий момент. К тому же мои фильмы не об Австрии. Они затрагивают вопросы общечеловеческие: одиночество, утраченная любовь, смерть. Однако на экране показаны австрийские реалии, и многие соотечественники предпочитают этого не видеть. Они кричат, что мои фильмы не отражают реального положения вещей. По правде говоря, они не могут этого вынести. Им нужна приукрашенная, ретушированная картинка. Как и всем людям, где бы они ни жили. Многие отказываются смотреть в зеркало. Очень трудно заставить человека посмотреть на то, чего он не хочет видеть. А ненавидят за это автора фильма, то есть меня. Но я счи-

таю, что это неплохо. Ненависть лучше, чем безразличие.

При всем различии стилей нельзя не отметить определенную волну «мизантропов из Австрии»: вы, Михаэль Ханеке, Эльфрида Елинек, Томас Бернхард...

Меня часто об этом спрашивают, но что ответить? Ханеке делает свою работу, я — свою. Объединяет нас жесткий подход к реальности.

В случае с Ханеке речь идет не только об австрийской, но и о французской реальности. А вы не думали снять фильм за пределами Австрии?

С одной стороны, мои фильмы показывают Австрию, с другой — их действие могло бы разворачиваться в любой западной стране, в той же Франции или Америке. Это критика не Австрии, а всего западного общества, его индивидуализма. Не знаю, в какую сторону эти процессы движутся в России...

Так или иначе, российским зрителям ваши работы не чужды. Они находят неожиданные параллели: так, критик Зара Абдуллаева сравнивала вашу «Собачью жару» с работами фотографа Бориса Михайлова.

Да, я знаю Бориса Михайлова. Познакомился с ним в Берлине. Я даже хотел несколько лет назад сделать о нем документальный фильм-портрет; проект не задался. Но говорить о его влиянии на меня нельзя, я его знаю всего года три. Хотя родство душ у нас есть, бесспорно. На меня скорее уж повлияли фотографа Дэвид Хокни и Диана Арбус.

По вашим фильмам может показаться, что вы куда большему научились у живописи и фотографии, чем у кинематографа.

Если посмотреть мой первый фильм, который я делал двадцать лет назад, то можно увидеть чистый язык кинематографа. Сейчас мой язык изменился, и это мой собственный язык. Впрочем, еще до кино я занимался живописью и фотографией, это правда.

Как зритель вы любите фильмы, подобные тем, что вы делаете?

Меня не интересует мейнстрим и развлекательное кино, я предпочитаю фильмы, которые задевают меня за живое: «Рассекая волны» Ларса фон Триера, «Счастье» Тодда Солондза, «Безопасность» Тодда Хэйкса, «Жизнь Иисуса» Бруно Дюмона.

Свой последний фильм «Иисус, ты знаешь» вы поставили еще раз, превратив в спектакль берлинского театра Volksbühne «Отче наш». Что заставило вас вернуться к этой теме?

Я происхожу из католической, очень религиозной семьи. Родители хотели, чтобы я стал священником. Вся моя юность прошла под знаком католического мировоззрения. В юности я испытывал внутренний протест против этого, католицизм казался мне ложью, далекой от подлинной веры. Теперь я успокоился и понял, что многие аспекты христианства очень важны в моей жизни. Например, чувство солидарности.

газета

собаковод со стажем

Один из самых отважных экспериментаторов современного кинематографа, исследователь зыбких границ между документальным и игровым кино Ульрих Зайдль родился в Вене 53 года назад. Дебютировал короткометражными документальными фильмами в начале 1980-х, работал для телевидения. Широкая известность пришла к нему в 1990-х, когда его полнометражные работы «Зверина любовь» (1995) и «Модели» (1999) завоевали несколько фестивальных призов. В 2001-м игровой дебют Зайдля «Собачья жара» получил Гран-при в Венеции и был признан ассоциацией ФИПРЕССИ лучшим фильмом года.